

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 92—103.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 92—103.

Научная статья

УДК 930.2;82-94

EDN <https://elibrary.ru/sbjxdh>

DOI: 10.46726/H.2025.4.11

ВОСТОЧНАЯ ЭКЗОТИКА В ВОСПОМИНАНИЯХ РОССИЯН О ПОСЕЩЕНИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (2-Я ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Кирилл Евгеньевич Балдин, Ольга Сергеевна Удалова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

kebaldin@mail.ru, olgo1988@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена конструированию представлений о восточной экзотике на материалах мемуаров россиян, посещавших Святую Землю в разные годы, начиная с середины XIX столетия и вплоть до рубежа XIX—XX веков. Новизна исследовательских подходов к анализу представлений о восточной экзотике состоит в том, что в фокусе внимания авторов находились преимущественно такие аспекты «чужой» страны и культуры, как природа и климат, местная флора и фауна. При этом за пределами границ исследования оставались одежда, пища, манера общения, нравы и обычаи ближневосточных народов. Авторами рассматриваемых мемуаров являлись православные паломники из среды духовенства, туристы, путешественники из состоятельных и образованных слоев российского общества. В заключении был сделан вывод о том, что природно-климатические условия, равно как и представления о местной флоре и фауне являлись ключевыми маркерами конструирования представлений россиян об экзотике ближневосточных стран, которые они посетили в рассматриваемый период.

Ключевые слова: экзотика, паломники, туристы, Ближний Восток, климат, флора и фауна

Для цитирования: Балдин К.Е., Удалова О.С. Восточная экзотика в воспоминаниях россиян о посещении Ближнего Востока (2-я половина XIX — начало XX в.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 92—103.

Традиционно при посещении другой страны первое, на что обращает внимание приезжий, это те отличия, которые наиболее контрастируют с привычной для него на родине действительностью. При этом именно наиболее резкие контрасты формируют представление о степени экзотичности новой для него территории.

Особой экзотикой для путешественников всегда отличался Восток, привлекавший внимание преимущественно образованной публики. Однако осуществить путешествие туда на практике отваживались немногие. Главная причина этого заключалась преимущественно в разного рода дорожных трудностях и неудобствах, с которыми было связано путешествие в экзотичные восточные страны. Также, по сравнению с западноевропейскими государствами, страны Востока, по мнению посещавших их, таили в себе гораздо больше опасностей.

Потенциальная возможность столкновения с неизведанной и, по сути, чужой культурной и отнюдь не культурной средой являлась частой причиной отказа от выбора восточного направления путешествия.

Между тем, будет неверным подобным образом характеризовать Восток в целом: в частности, страны Ближнего Востока представляли собой исключение. На рубеже XIX—XX столетий поездки россиян в ближневосточный регион приобрели подлинно массовый характер. Интерес к данному направлению проявляли преимущественно богомольцы, направлявшиеся к святыням вселенского христианства. Сюда же ехали пока очень немногочисленные тогда российские туристы и путешественники-исследователи. Можно с уверенностью предположить, что их воспоминания о поездках представляют собой ценный исторический источник, позволяющий воссоздать представления не только о христианских святынях, но и о восточной экзотике, формируемые в сознании российского православного паломника или же туриста при посещении, в частности, Палестины и Египта.

В первую очередь необходимо определить, что именно следует понимать под экзотикой в рассматриваемый нами период. Так, в «Толковом словаре» В.И. Даля термин «экзотический» трактуется как «чужеземный, из жарких стран» [Даль: 663]. Иными словами, к экзотике, по меркам того времени, целесообразно относить все то, что ассоциировалось в сознании путешественников с какой-либо далекой знойной страной, ее необычной природой и населением. Ближний Восток для русских, по сравнению с умеренным климатом средней полосы России, действительно являлся экзотическим, как это указывалось в толковом словаре В.И. Даля.

Таким образом, в фокусе внимания при воссоздании образа экзотического Востока, по воспоминаниям россиян, находились в значительной степени природа и климат. Также немаловажными составляющими, позволяющими судить об экзотичности восточных стран, становились их флора и фауна, являющиеся органической частью природы. Именно природа Ближнего Востока с присущими ей особенностями — это важный аспект, на который обращали внимание наши земляки, отправлявшиеся в библейский регион. Как следствие, это нашло отражение во многих паломнических мемуарах, однако в различной степени. Последняя, по всей видимости, зависела от того, насколько сильное эмоциональное впечатление производила на автора окружающая среда. При этом следует оговориться, что в настоящей статье за рамками исследования оставлены такие аспекты жизни далеких стран, как одежда, пища, манера общения, нравы и обычаи местного населения.

В отечественной историографии интерес к истории русского паломничества к христианским святыням Востока по вполне понятным причинам возник только в последнем десятилетии XX в. и воплотился в монографических трудах лишь в начале XXI в. В последние годы наиболее пристальное внимание исследователи уделяли анализу не очень многочисленных средневековых текстов о «хождениях» в Святую Землю и более многочисленных мемуаров паломников нового времени, т. е. XVIII — первой половины XIX в. [Бушуева; Якушев]. Среди этих трудов следует особо выделить работу С.Ю. Житенева, который анализирует это явление на широком временном отрезке, что дает возможность рельефно сравнить паломнические тексты разных периодов [Житенев]. Путевые записки отечественных богомольцев этого времени рассматриваются не только историками, но и филологами как особый литературный жанр [Александрова-Осокина].

Сравнительно меньший интерес у исследователей вызывали до последнего времени паломнические произведения второй половины XIX — начала XX в., несмотря на то что этих мемуаров, дневников и писем создано неизмеримо больше, чем в предыдущие столетия. Среди авторов, которые активно использовали их для исследования так называемой «Русской Палестины», следует особо выделить Н.Н. Лисового — широко известного специалиста по истории российско-ближневосточных связей [Лисовой]. Все больше внимания в последние годы историки уделяют роли Императорского Православного Палестинского Общества в организации русского православного паломничества в библейский регион [Сафонов, Изотов].

Перечисленные здесь нами и другие авторы в анализируемых ими источниках личного происхождения главное внимание уделяют также освещению деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, религиозным переживаниям паломников, их контактам с духовенством восточнохристианских церквей, с местным арабским населением — православным и мусульманским и т. п. Вместе с тем, гораздо меньше внимания современные историки обращают на нерелигиозные впечатления богомольцев (которые порой были весьма запоминающимися), в том числе на восприятие паломниками восточной экзотики, о чем пойдет речь в настоящей статье.

В данной работе конструирование экзотического образа Востока по мемуарам будет производиться на основе ряда текстов, авторы которых посещали ближневосточные святыни в разные годы — начиная с середины XIX в. и до начала XX столетия включительно. Это воспоминания дипломата К.А. Сокколова, отразившие его путевые впечатления о Палестине и Сирии после поездки весной 1853 г.; двух ярославских паломников в Святую Землю — архимандрита Иннокентия, посетившего Палестину в 1874 г., и В. Преображенского, оставившего воспоминания о поездке к Иордану в 1900 г.; врача по профессии и путешественника по призванию А.В. Елисеева; известного беллетриста и публициста своего времени Е.Л. Маркова; издателя, публициста и сына крупного российского медиамагната А.А. Суворина; финансиста, управляющего акционерным обществом Северо-Западных железных дорог Е.Э. Картавцова; купца Н.М. Чукмалдина, воспоминания которых относились к концу XIX столетия. На базе указанного комплекса источников представляется возможным объективно реконструировать экзотический мир Ближнего Востока, с которым сталкивались приехавшие сюда россияне.

Первое, на чем сосредотачивали внимание путешественники, если отвлечься от сильных впечатлений паломников, увидевших христианские святыни, — это окружающая природа, резко контрастировавшая с привычными климатическими условиями европейской части России. В большинстве воспоминаний природа Ближнего Востока представляется довольно унылой и бесприютной, навевавшей на путников тоску по родному дому. Это во многом объяснялось общей новизной ландшафта, непривычного глазу русского человека. В этой связи Н.М. Чукмалдин, повествуя о прибытии в Константинополь, отмечал особенности своего восприятия иноземной среды: «отовсюду веяло чем-то иным, новым, невиданным и неизведанным. В такие минуты все чувства как-то настороже <...> глаз усиленно всматривается в каждый новый предмет, внимание стремится всюду» [Чукмалдин: 6]. Новизна окружающей действительности, в том числе природы и климата, воспринималась некоторыми путниками даже с опасением. Вот как описывает Е.Л. Марков один из пейзажей Палестины: «Чем-то враждебным и неприятным глядит на нас в полусумраке

рассвета вся эта страна воинственных воспоминаний и воинственных нравов. Она делается с каждым шагом все гористее, подъемы делаются все труднее» [Марков: 35]. Таким образом, представления об экзотике Востока, с одной стороны, формировались россиянами на основе контраста с привычными им реалиями русской природы, с другой — под влиянием определенных негативных ожиданий от столкновения с неизвестным, результат которого, впрочем, в дальнейшем мог оказаться не только со знаком минус.

Климат ближневосточных территорий, которые посещали наши земляки, был нестерпимо жарким для русского человека. С одной стороны, многое зависело от того, в какие именно месяцы авторами воспоминаний была предпринята поездка в Святую Землю. Между тем, по свидетельству паломника В. Преображенского, прибывшего на Иордан в январе 1900 г., т. е. в отнюдь не самый теплый месяц в году, жара в то время была просто нестерпимой. При остановке поклонников на отдых в русской странноприимнице, сложенной из кирпича, они чувствовали себя «как в хорошо натопленной бане». Понижению температуры, как отмечал В. Преображенский, не помогали никакие средства: ни поливание пола водой, ни раскрытые настежь окна. Автор отмечал, что последнее было небезопасно, так как в окна паломнического приюта залетали москиты, с целью защиты от которых кровати были снабжены пологам из довольно плотной ткани. Однако высокая температура даже ночью не позволяла поклонникам воспользоваться этим защитным средством из-за духоты [Преображенский: 14]. Священник В. Преображенский еще не раз обращался к теме нестерпимой жары на страницах своих воспоминаний. Знакомый с климатическими условиями Крыма и Кавказа, он отмечал, что ранее ему не доводилось сталкиваться ни с чем подобным: «Не могу и приблизительно определить температуры; одно знаю, что подобного чудовищного зноя я никогда в жизни не испытывал» [Там же: 41]. При этом автор указывал, что быстрая езда (к Иордану паломники ехали на лошадях) не оказывала освежающего воздействия, напротив, воздух еще больше буквально обжигал лицо и тело. В свою очередь, в мемуарах другого ярославского паломника — архимандрита Иннокентия, первоначально «летние жары» в Александрии и в Каире фигурировали лишь как нечто виртуальное в его беседе с консулом В.Ф. Кожевниковым. В записях автора от 28 мая отмечалось, что раннее утро было прохладным, а 5 июня архимандрит наблюдал даже туман и облака [Иннокентий, архимандрит: 191, 206], что было редкостью в Палестине в летнее время. Между тем, по мере накопления путевых впечатлений паломника, он начал изредка отмечать особое негативное воздействие полуденного зноя. В то же время архимандрит Иннокентий в своих воспоминаниях не сосредоточивал внимание на жаре, по всей вероятности потому, что был осведомлен о ней заранее и, соответственно, подготовлен к ожидавшим его климатическим испытаниям.

Для Е.Л. Маркова нестерпимо жаркой представлялась даже Иорданская долина, которая, среди всех мест, посещаемых россиянами, неизменно одабривала последних прохладой вод священной реки. Автор отмечал, что ввиду высокой дневной температуры путешествие приходилось начинать задолго до восхода солнца [Марков: 221]. Еще более сильное отрицательное впечатление на автора произвела поездка к Мертвому морю: даже за десять верст до его «проклятых» вод «почва растрескалась во всех направлениях, словно от съедающего ее внутреннего жара». Местные высокие температуры в совокупности с отсутствием даже легкого дуновения ветра с Средиземного моря заставили автора сравнить окрестности Мертвого моря с «глубокой каменной баней» [Там же: 223].

Особенно высокая температура воздуха рядом с этим водоемом объясняется тем, что долина соленого озера находится значительно ниже уровня моря.

В мемуарах А.А. Суворина очень своеобразно проиллюстрирована связь жаркого ближневосточного климата с характером местных жителей: «В этой стране, где солнца так много и оно так угнетает, и где так коротки промежутки тени, люди привыкли чувствовать и высказываться урывками, но с непонятной для нас быстротой чувства и речи... Выгода получается явная: остается больше времени... для молчания и лени под жарким припеком солнца» [Суворин: 3]. Таким образом, по мнению автора, особенности непривычно громкого и эмоционального общения арабов между собой определяются взрастившим их жарким климатом.

Наряду с нестерпимой жарой особенность местной природы состояла также в необычных пейзажах, которые, в связи с этим, заняли свое немаловажное место на страницах рассматриваемых нами мемуаров. В первую очередь, взгляд их авторов поражала безжизненная, совершенно пустынная местность, при пересечении которой лишь изредка встречалась бедная растительность.

Примечательно, что такого рода описания дублируются у разных мемуаристов. Вероятно, это было связано с тем, что паломники более позднего времени были знакомы с воспоминаниями своих предшественников. В частности, по мнению Е.Л. Маркова, пейзажи Святой Земли представляли собой настоящее царство желто-серых камней [Марков: 213—214], в чем с ним соглашался ярославский паломник В. Преображенский, в труде которого можно найти фактически идентичное описание. Вместе с тем, учитывая экзотичность пустынных картин, открывавшихся перед взором паломников, становятся понятны сильные чувства В. Преображенского как православного иерея, впервые увидевшего землю, по которой ходил Спаситель. Он отмечал, что «несмотря на всю безотрадность вида мертвой пустыни, несмотря на удушливый зной, который охватывает вас среди раскаленных камней, настроение ваше — скорее радостное и возбужденное, чем подавленное и унылое» [Преображенский: 11].

Представляется вполне уместным сравнение Е.Э. Картавцова палестинских пустынь и полупустынь с русскими лесными пейзажами, тоже считавшимися у него на родине пустынными. В своих воспоминаниях о посещении Святой Земли автор, повествуя о проделанном им пути от лавры св. Саввы к Мертвому морю, отмечал, что только теперь он понял, как выглядит настоящая пустыня. Этот вывод он сделал в силу резкого контраста окружающей действительности с лесами русского севера, где даже в «безбрежных болотах северной части Новгородской губернии все же видишь и чувствуешь жизнь; там растут деревья и кусты, пестреют мхи и лишайники, там попадаются даже ясные признаки животной жизни — то лягушонок, то комариный рой» [Картавцов: 197—198].

Также Е.Э. Картавцов, в отличие от иных мемуаристов, в частности от Е.Л. Маркова и В. Преображенского, не отмечал неповторимой красоты пустынных ландшафтов, автор не усматривал в них ничего «громадного или величественного; холмы один как другой; котловины и камни капля в каплю похожи друг на друга; все усыпано мелким камнем почти без признака растительности, хотя бы самой мелкой травы» [Картавцов: 198]. Таким образом, пустыня в понимании автора — однообразная и мало привлекающая внимание местность, созерцание которой отягощается полным отсутствием каких-либо признаков жизни.

Впечатление пустынности большинства местных пейзажей красной нитью проходит через все паломнические воспоминания. Для Е.Л. Маркова пустыня

Святой Земли — это не только особенности земной поверхности: он отмечал, что там, где Мертвое море сошлось с небом, они словно бы образовали из двух необхватных голубых пустынь «одно сплошное и сверкающее огненное зарево» [Марков: 231]. Таким образом, пустынность местного ландшафта, по мнению автора, — характеристика не только земель, но также морской глади и воздуха этих мест. Именно бесплодность окружающей человека природы, по мнению автора, сформировала у местного населения представление о священности воды. В связи с этим на Востоке она издревле являлась бесценным ресурсом, люди поклонялись святым источникам, буквально доходили до обожествления воды, и именно поэтому, с точки зрения Е.Л. Маркова, в воде осуществлялось крещение Спасителя, а за ним и присоединявшихся к христианству людей [Там же 243]. В подобном отношении к воде, в меньшей степени свойственном русскому человеку, чем обитателю пустыни, также присутствует определенный элемент уникальности и экзотичности ближневосточной культуры.

Среди немногих исключений, найденных нами в различных воспоминаниях, выделяются: многоцветная экзотика богатого садами города Яффы, отличавшиеся обилием растительности берега Иордана и просторы Галилеи, которая выглядела гораздо более зеленой, чем другие исторические области Палестины — Иудея и Самария. Между тем, некоторые россияне, в частности, А.А. Суворин, подчеркивали, что некие общие представления о той или иной территории, формировавшиеся на основании ранее полученных ими сведений, в ряде случаев не соответствовали действительности. В частности, тот же автор отмечает, что до момента посещения Яффы, по описаниям изобиловавшей садами, она представлялась ему «раем на земле». Реальность, по его мнению, оказалась далекой от подобного рода описаний — это была «мертвая пустыня среди ослепительного зноя...» [Суворин: 6]. Подобные авторские наблюдения не могли не вызвать удивления читательской аудитории, знакомой с многочисленными паломническими мемуарами или имевшей опыт личного посещения Святой Земли: Яффа традиционно описывалась авторами как истинный «рай на земле». Мнение Суворина о Яффе лишний раз доказывает, что воспоминания являются не только ценным и ярким, но и самым субъективным видом источников, следовательно подходить к ним надо осторожно, используя перекрестную проверку текстов.

Экзотика пустынных ближневосточных пейзажей создавалась не одними серо-желтыми камнями и палящим солнцем. Столь сложная для выживания природная среда тем не менее являлась домом для диких животных, с точки зрения русских, растений и животных.

В частности, по мнению Е.Л. Маркова, флора Святой Земли была представлена преимущественно такими деревьями, как маслины, апельсины и цитроны (не путать их с лимонами!). Безусловно, пестрота садов, следуя описаниям большинства россиян, была характерна преимущественно для Яффы. Сады были ограждены от дороги не дощатым (дерево в Палестине в дефиците), а живым забором — изгородями из кактусов, листья которых напоминали зеленые дощечки или же растопыренные и поднятые вверх пальцы либо ладони [Марков: 16]. Наконец, в пути встречались одинокие пальмы, тоже довольно характерные для полупустынного ландшафта с оазисами.

Наиболее часто встречающимся окультуренным растением здесь были маслины. Е.Л. Марков и другие авторы описывали их стволы как свитые из бесчисленного множества переплетенных между собой серых канатов, а ветви их были покрыты листвой скорее не зеленого, а своеобразного голубовато-серого цвета, она давала весьма скудную тень как «дерево каменистых пустынь

и солнечного зноя» [Там же: 40]. В воспоминаниях о посещении Иорданской долины тот же автор упоминает ивы и олеандры, ветви которых паломники брали с собой на далекую родину, а также колючее «держи-дерево» в соседнем Иерихоне (листопадный кустарник, известный еще среди паломников под названием «тернии Христа») [Там же: 247]. Священник В. Преображенский и другие паломники нередко встречали в Иерусалиме также смоковницы, плоды которых пробовали на вкус [Преображенский: 10].

По-своему колоритны описания ближневосточной флоры у А.А. Суворина. Автор отмечал, что от узкой песчаной дороги, по которой катился их фургон, сады из диковинных чащ апельсиновых и лимонных деревьев с темно-зеленой листвой отделялись живой стеной из кактусов, усаженных длинными иглами, которые «очень неприязненно протягивались над головой». По свидетельству автора, лишь издалека из-за этой зеленой ограды выглядывали запыленные красноватые плоды экзотических деревьев. Среди редких местностей Святой Земли, изобилующих растительностью, автор выделял Елеонскую гору [Суворин: 6].

В значительной части паломнических мемуаров описания ближневосточной флоры представляются весьма контрастными: впечатления от пустынной местности сменяются изумлением от экзотических растений, незнакомых или знакомых только понаслышке. Наряду с немногочисленными деревьями и кактусами — неизменными атрибутами пустынных ландшафтов, в воспоминаниях встречаются также упоминания местной луговой растительности. В мемуарах К.А. Соколова, составленных автором под впечатлением от пути из Египта в Иерусалим через Газу, говорилось, что встречающиеся в пути «цветы и травы... благоухали ароматом» и выглядели довольно высокими [Соколов: 19, 25]. В свою очередь, вспоминая переезд из Иудеи в Самарию, К.А. Соколов отмечал, что по границе их вокруг распространялся целительный воздух полей и ароматы растений [Соколов: 72], которые, по всей вероятности, напоминали паломнику о родном русском разнотравье. Вместе с тем следует оговориться, что в Святой Земле зелень и цветы в полях и лугах можно было застать только в короткий весенний период, остальное время на них господствовал традиционно серо-желтый цвет.

Первое впечатление о флоре Ближнего Востока в силу малой осведомленности путников относительно местных особенностей растительности могло сыграть с ними злую шутку. В частности, В. Преображенский, вспоминая о паломническом путешествии на Иордан, отмечал, что ему и его спутникам то и дело попадались по дороге показавшиеся им красивыми незнакомые листовенные кустики. Однако за интерес к этой незнакомой поросли автор воспоминаний жестоко поплатился: он порезал руку, результатом чего стало обильное кровотечение. Их листва, «казавшаяся столь привлекательной, оказалась принадлежащей к породе терний и наделена была преострыми колючками, которые за темнотой разглядеть было невозможно» [Преображенский: 13].

В воспоминаниях А.В. Елисеева приводятся интересные и неожиданные для читателя факты о специфических для русского паломника и необычайно тяжелых (вероятно, под воздействием высоких температур) ароматах местных растений. В частности, автор описывал, что по прибытии в городок Мединет-эль-Файюм в Египте (этот город считался коптской столицей) они остановились на ночлег в доме копта, «с радостью принявшего гостей из далекой России, которой он, как и все христиане Востока, симпатизировал в душе» [Елисеев: 191]. А.В. Елисеев отмечал, что хотя они и наслаждались «ароматами роз, олеандров

и флер-д'оранжа», воздух был наполнен «тяжелыми одуряющими ароматами» [Елисеев: 191—192].

Е.Е. Картавцов, в отличие от других мемуаристов, подметил своеобразную красоту традиционного для пустыни растения — кактуса. По прибытии в Сиут, город, по свидетельству автора, расположенный в Верхнем Египте (в действительности — в Среднем Египте), он отмечал, что кактусы росли здесь как забор, но эта естественная ограда отличалась не только надежностью, но также и красотой, в особенности в период цветения этих растений: «на каждом отростке серого, зеленого или серо-зеленого цвета с десятков ярких цветков красно-кирпичных, розовых или малиновых» [Картавцов: 72], что придавало необычайную пестроту и привлекательность живой изгороди.

Наряду с экзотической флорой, довольно необычной представлялась россиянам ближневосточная фауна. Естественно, им часто встречались стада овец и коз, которых они могли наблюдать и на родине, а также лошади, так как часто для быстрого передвижения по гористой местности состоятельные богомольцы ехали верхом. Однако на этих животных авторы мемуаров не сосредотачивали особого внимания в силу того, что они были привычными для них. С гораздо большим интересом описывали они экзотических животных, специфических для данного региона. В частности, Е.Л. Марков, рассказывая о характерных палестинских деревьях — маслинах, указывал, что по их серым стволам снуют такие же серые ящерицы, скрываясь в дуплах. Примечательно, что автор указывал на различия местных ящериц и тех, которые встречались ему в России: палестинские ящерицы казались ему «словно железными (имелся ввиду стальной цвет этих животных), как и деревья, в которых они живут» [Марков: 40]. Помимо их, встречались россиянам и маленькие серые змейки, быстро выползавшие из-под ног, желая скрыться от людей в спасительные камни.

По мере того, как безотрадные пустынные виды сменялись на страницах мемуаров плодородностью иорданской долины, описываемая паломниками фауна становилась разнообразнее. В частности, Е.Л. Марков упоминает, что в прибрежной растительности Иордана обитают шакалы, газели и кабаны, «куда к ним нередко заглядывает из дебрей и грозный барс» [Там же: 234]. По всей вероятности, самые различные виды животных там встречались часто, как указывал В. Преображенский, потому что долина Иордана была покрыта густой растительностью [Преображенский: 14].

Примечательно, что в паломнических воспоминаниях, наряду с описаниями реальных животных, иногда встречались и существа вымышленные. Так, А.В. Елисеев указывает, что на берегу реки Нил «перекликались между собой крошечные сирины, летавшие между вершинами пальм» [Елисеев: 190]. Как известно, сирин — это мифологическое существо, формирование представлений о котором уходит корнями в мифы Древней Греции. Примечательно, что русские люди считали, что эта птица спускалась на землю из рая и зачаровывала слышавших ее своим пением. Вероятно, А.В. Елисеев был потрясен причудливым видом, либо голосом этих реально существовавших пернатых созданий, у которых наверняка было и какое-то другое название.

Необходимо отметить, что на страницах отечественных мемуаров встречались и опасные экзотические животные. К таковым относились, в частности, насекомые — тарантулы и скорпионы, которых паломники сами не видели, но об опасности их укусов были предупреждены проводниками. Впрочем, москиты в Палестине были почти такими же страшными, как скорпионы. В. Преображенский по дороге к монастырю св. Иоанна Хозувитского отмечал «обилие

и лютость насекомых», настолько утомивших поклонников, что им пришлось оставить свои попытки заснуть в монастырских кельях [Преображенский: 45].

Внимание паломников привлекали не только дикие экзотические животные, но и некоторые одомашненные, однако редко встречавшиеся в России, — ослы. Несмотря на то, что эти создания, являющиеся синонимом упрямства, встречаются почти в любой части мира, наиболее комфортно они себя чувствуют преимущественно в сухих и теплых регионах. На Ближнем Востоке в конце XIX — начале XX столетия, в период массового паломничества к святыням вселенского христианства, по всей вероятности, потребность в ослах была значительно выше, чем в настоящее время, в связи с чем на страницах многих мемуаров присутствуют упоминания об этих животных.

А.А. Суворин упоминает, что арабы использовали для транспортировки паломников ослов даже больше, чем лошадей и верблюдов. На Елеоне им привели этих животных: «маленьких, грубых складом и мохнатых. Седла на них огромные и плоские, точно плиты с могил, привязанные им на спины. Стремена подвешиваются чуть не около ушей осла, и ощущения всадника уподобляются сидению верхом на широком столе. При каждом осле крохотный арабчонок погонщик» [Суворин: 28]. Автор указывал также на немилосердное отношение арабов к этим животным: ослы после ударов погонщиков резко отскакивали в сторону, а сами всадники едва могли удержаться на них. А.А. Суворин подчеркивал беспечность арабов, устраивавших подобные экзекуции над ослами во время путешествия по дорогам, пролежавшим над глубокими обрывами, в результате чего возникала реальная угроза жизни путников.

В свою очередь, в мемуарах Е.Э. Картавцова содержатся указания на то, что эти одомашненные животные обладают недюжинной силой. В особенности это становилось заметным при сопоставлении роста ослов и размеров повозок, которые им приходилось тащить по улицам египетских городов: «Двухколески служат главным образом для развозки съестных припасов; высотой они сажени полторы, а то и до пять аршин; ослик, в нее запряженный, производит чрезвычайно смешное впечатление; он комически мал по сравнению с экипажем, обыкновенно ниже половины колеса..., и несмотря на это, он свободно тянет эту гору, так сильны и выносливы восточные ослы» [Картавцов: 25].

Подводя итоги анализа воспоминаний россиян, отправлявшихся на Ближний Восток, необходимо отметить, что восприятие этого региона в значительной степени зависело от профессии приезжавших сюда и от целей их поездки. Представители духовенства — архимандрит Иннокентий и священник В. Преображенский, а также купец Н.М. Чукмалдин ехали в библейский регион в первую очередь для того, чтобы поклониться главным христианским святыням. Многие мемуаристы, которые тоже были паломниками, уделяли внимание лишь описанию святых мест, своим религиозным переживаниям, встречам с палестинским православным духовенством. Они считали, что паломнические записки представляют собой жанр, не предназначенный для мирских впечатлений. Однако для перечисленных выше трех мемуаристов-богомольцев был характерен более широкий взгляд на окружающие их реалии. Они подробно останавливаются в своих текстах на восточных ландшафтах, погоде, флоре и фауне, т. е. на том, что входит в понятие экзотики. Естественно, что экзотики было более чем достаточно на страницах воспоминаний А.А. Суворина, Е.Л. Маркова, Е.Э. Картавцова — людей для своего времени широко известных, неплохо владевших пером. Они ехали на Восток в основном за экзотикой, за сильными мирскими впечатлениями. Поэтому их можно характеризовать одновременно как богомольцев

и как туристов, хотя это слово еще только начало приживаться в то время в России. Естественно, что большое внимание географическим деталям восточных стран, их природе уделял очень известный и читаемый в конце XIX в. путешественник и публицист А.В. Елисеев. Наконец, самые различные географические, политические, конфессиональные, бытовые и другие подробности попали на страницы путевых записок дипломата К.А. Соколова, который на Ближнем Востоке находился в первой половине 1850-х гг. в неофициальной командировке и собирал сведения, которые потом сообщал в российское Министерство иностранных дел.

На основании их текстов можно составить комплексное представление о том, чем необычен был Ближний Восток для русского человека, причем каждый мемуарист делал акцент на том, что впечатляло и даже поражало его больше всего. В первую очередь, экзотическими для них были необычные ландшафты и местный климат, весьма непривычный для обитателей средней полосы России. Также внимание россиянина сосредотачивалось на диковинных растениях и животных, дополнявших экзотическую картину Святой Земли. При этом некоторые представители местной флоры и фауны могли быть опасными, что формировало восприятие экзотичности Востока не всегда в положительном контексте.

Влияние восточной экзотики многократно увеличивалось на некоторых приезжих тем, что эти места были тесно связаны с событиями Ветхого и Нового Заветов, о которых они узнавали с детства из рассказов родителей и на уроках Закона Божия. Правда степень этого влияния была разной; большей — на паломников, меньшей — на туристов, но не учитывать этого воздействия нельзя, т. к. все авторы, судя по всему, были людьми верующими, хотя и в разной степени.

Нельзя не заметить связи увиденной путешественниками восточной экзотики и национальной идентичности. Красоты природы, невиданные ими доселе растения и животные, экзотические пейзажи, разумеется, производили на них сильное впечатление. Вместе с тем, большинство россиян, видя это, в то же время отчетливо сознавали, что «в гостях хорошо, а дома лучше», и с этим чувством отправлялись обратно на родину, где пейзажи были не менее красивы, климат умерен, а растительный и животный мир более привычен чем тот, что на Ближнем Востоке.

Список источников

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 4. 683 с.
- Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света: в 4 т. Петроград, 1915. Т. I. 362 с.
- Иннокентий, архимандрит. Путевые впечатления при посещении и поклонении святым местам Палестины в 1872 г. // Ярославские епархиальные ведомости. 1874. 12 июня, № 24; 26 июня, № 26.
- Картавцов Е.Е. По Египту и Палестине: Путевые заметки. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. 250 с.
- Марков Е.Л. Путешествие по Святой земле: Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. 515 с.
- Преображенский В. Поездка к Иордану (Из воспоминаний паломника) // Ярославские епархиальные ведомости. 1900. 4 января, № 1; 22 января, № 3.
- Соколов К.А. Путевые впечатления по Палестине и Сирии весной 1853 г. // Православный Палестинский сборник. Вып. 111. М.: Индрик, 2015. С. 17—90.
- Суворин А.А. Палестина / илл. А.Д. Кившенко и В.И. Навозова. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1898. 352 с.
- Чукмалдин Н.М. Путевые очерки Палестины и Египта. Екатеринбург: Типография ежедневной газеты УРАЛ, 1899. 79 с.

Список литературы / References

- Александрова-Осокина О.Н. Паломническая проза 1800—1860-х годов. Священное пространство, история, человек. М.: Флинта, 2015. 433 с.
(Aleksandrova-Osokina O.N. Pilgrimage Prose of the 1800's—1860's. Sacred Space, History, and the Individual, Moscow, 2015, 433 p. — In Russ.)
- Бушуева С.В. Паломничество и его особенности в русской истории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 127—131.
(Bushueva S.V. Pilgrimage and Its Peculiarities in Russian History, *Nizhniy Novgorod State University Bulletin*, 2008, no. 4, pp. 127—131. — In Russ.)
- Житенев С.Ю. История русского православного паломничества в X—XVII веках. М.: Индрик, 2017. 480 с.
(Zhitenev S.Yu. History of Russian Orthodox Pilgrimage in the 10th—17th Centuries, Moscow, 2017, 480 p. — In Russ.)
- Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX века. М.: Индрик, 2006. 510 с.
(Lisovoy N.N. Russian Spiritual and Political Presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th and Early 20th Centuries, Moscow, 2006, 510 p. — In Russ.)
- Сафонов Д.В., Изотов А.Б. Русское паломничество в Святую Землю и деятельность Императорского Палестинского общества // Церковь в истории России. Сб. 11. К 70-летию Николая Николаевича Лисового. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 285—299.
(Safonov D.V., Izotov A.B. Russian Pilgrimage to the Holy Land and the Activities of the Imperial Palestine Society, *The Church in the History of Russia. Collection 11. On the 70th Anniversary of Nikolai Nikolaevich Lisovoy*, Moscow, 2016, pp. 285—299. — In Russ.)
- Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте осман-российских отношений (1774—1847 гг.). М.: Индрик, 2018. 512 с.
(Yakushev, M.M. Russian Orthodox Pilgrimages to the Middle East in the Context of Ottoman-Russian Relations (1774—1847), Moscow, 2018, 512 p. — In Russ.)

ORIENTAL EXOTICISM IN THE MEMORIES OF RUSSIANS, VISITING THE MIDDLE EAST (SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES)

Kirill E. Baldin, Olga S. Udalova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
kebaldin@mail.ru, olgo1988@mail.ru

Abstract. This article is devoted to constructing ideas about Oriental exotica, based on the memoirs of Russians, who visited the Middle East in different years, starting from the middle of the XIX century and up to the turn of the XIX—XX centuries. The novelty of research approaches to the analysis of ideas about Oriental exoticism lies in the fact that the authors mainly focused on such aspects of a “foreign” country and culture as nature and climate, local flora and fauna. At the same time, clothing, food, manner of communication, customs of the Middle Eastern peoples remained outside the boundaries of the study. The authors of the memoirs were Orthodox pilgrims from among the clergy, tourists, and travelers from the wealthy and educated strata of Russian society. The authors conclude that the natural and climatic conditions, as well as ideas about the local flora and fauna, were the key markers for constructing Russians' ideas about the exoticism of Middle Eastern countries.

Keywords: exoticism, pilgrims, tourists, Middle East, climate, flora and fauna

For citation: Baldin K.E., Udalova O.S. Oriental exoticism in the memoirs of Russians, visiting the Middle East (second half of the XIX — early XX centuries), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 92—103.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 19.09.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.06.2024; approved after review 29.08.2025; accepted for publication 19.09.2025

Информация об авторах / Information about the authors

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru, SPIN-код: 4171-9959

Baldin Kirill Evgenievich — Doctor of Sciences (History), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kebaldin@mail.ru

Удалова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olgo1988@mail.ru, SPIN-код: 6538-3310

Udalova Olga Sergeevna — Candidate of Sciences (History), junior researcher, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olgo1988@mail.ru